

Проблема польского наследства и внешняя политика российского двора в 1720-е гг.

Аннотация. Проблема выбора преемника короля Речи Посполитой Августа II была разрешена в царствование Анны Иоанновны. Важнейшими из претендентов были наследный принц Саксонский Фридрих Август, экс-король Станислав Лещинский, португальский инфант Мануэль и один из польских магнатов, т. н. Пяст. Однако позиция России претерпевала со временем значительные изменения. В статье впервые рассматривается процесс формирования российского взгляда на проблему польского наследства, ставший отправной точкой для дипломатии 1730-х гг. Позиция российского двора исследована в контексте внешней политики «великих держав». Ситуация 1720-х гг. рассматривается в связи с предшествующим периодом Северной войны. В статье использованы сравнительный и историко-генетический методы. Вопреки традиционному представлению, отрицательное отношение к курпринцу Саксонскому сформировалось лишь в конце Северной войны в связи с охлаждением между Петром и Августом. Стремилась сблизиться с Саксонией Екатерина I. Станислав Лещинский, ставленник Карла XII, рассматривался Петром в качестве замены Августу в ходе Аландского конгресса и пользовался поддержкой Екатерины вплоть до 1726 г. Лишь в начале 1729 г. можно утверждать, что Лещинский стал восприниматься как фигура, опасная для России. Основным российским кандидатом 1720-х гг. был «Пяст», в роли которого в разное время выступали сыновья Яна Собеского, С. Денгоф, М. Вишнёвецкий. Их слабость вынудила союзников России искать другие варианты. Однако российское правительство не замечало бесперспективности «Пяста». Именно при Петре II сформировалось представление, что неприятие курпринца и Лещинского отвечает политике Петра Великого и государственным интересам России. Этот парадоксальный поворот, несомненно связанный с деятельностью А. И. Остермана, требует дополнительного изучения.

Ключевые слова: Станислав Лещинский, Петр II, Екатерина I, дипломатия Петра I, польское наследство, польский вопрос, внешняя политика России, история России, Август III, дипломатия XVIII века.

Abstract. The question of choosing the heir to the king of the Polish-Lithuanian Commonwealth Augustus II was resolved during the reign of Anna Ioannovna. The most prominent among the contenders were the Saxon crown prince Friedrich Augustus, the former king Stanislaw Leszczynski, the Portuguese infant Manuel and one of the Polish magnates, the so-called "Pias". However, Russia's position had undergone significant changes over time. The article examines for the first time the formative process of Russia's outlook on the question of the Polish succession, which became the starting-point for diplomatic relations during the 1730s. The position of the Russian court is studied within the context of the foreign policies of the "great powers". The situation in the 1720s is analysed with regard to the preceding period of the Great Northern War. The article uses the comparative and historical-genetic methods. Despite the traditional opinion, the negative attitude towards the Saxon kurprinz developed only at the end of the Great Northern War in connection with the cooling between Peter and Augustus. Catherine I had sought closer ties with Saxony. Stanislaw Leszczynski, the henchman of Carl XII, was considered by Peter as a substitute for Augustus during the course of the Aland Congress and enjoyed the support of Catherine up to 1726. Only starting from the beginning of 1729 can it be said that Leszczynski began to be seen as a figure dangerous for Russia. The primary Russian candidate during the 1720s was "Pias", which was at different times played by the sons of Jan Sobieski, S. Denhoff, and M. Wisniowiecki. Their weakness forces Russian allies to seek other options. However the Russian government did not notice the futility of the "Pias". It was precisely under Peter II that the idea formed that the unacceptance of the kurprinz and Leszczynski followed the policy of Peter the Great and the state interests of Russia. This paradoxical turn, undoubtedly related to the work of A. I. Ostermann, needs to be further studied.

Key words: Stanislaw Leszczynski, Peter II, Catherine I, diplomacy of Peter the Great, Polish succession, Polish question, Russian foreign policy, Russian history, Augustus III, 18th century diplomacy.

Завершение Войны четверного альянса (1720) и Великой Северной войны (1721) привело к распаду прежних коалиций европейских стран. В поисках новых союзников великие державы не могли оставить без внимания столь крупные государства, как Речь Посполитая и Саксония, которые с 1697 г. находились под властью короля-курфюрста Августа II. В начале 1720-х гг. здоровье Августа заметно ухудшилось; неотвратимо приближались выборы нового короля Речи Посполитой. Так называемое «польское наследство» стало одним из главных вопросов международной политики. Как ближайший сосед Речи Посполитой Россия была очень заинтересована в том, чтобы польскую корону получил ее сторонник.

Отношение российского двора к претендентам на польский трон со временем менялось. Позиция, которая сформировалась к концу 1720-х гг., стала отправной точкой для внешнеполитического курса правительства Анны Иоанновны, разрешившего проблему «польского наследства» в ходе войны 1733-1735 гг. Формирование польской стратегии России до сих пор не стало предметом специального изучения. Взгляды заинтересованных держав на главных претендентов проанализировал В. И. Герье в своей монографии, посвященной Войне за польское наследство [2]. Отношение России к Станиславу Лещинскому описывается в работах Э. Ростворовского [23] и А. В. Мацука [12], к курпринцу Саксонскому – в монографии и статьях У. Косиньской [22], [21]. Так или иначе всех основных кандидатов касается С. Г. Нелипович [14]. Однако последовательное развитие польской политики российского двора и логика ее изменений не привлекали внимания исследователей. Задача данной статьи – выяснить, каким образом и под влиянием каких факторов менялось мнение российского правительства об основных претендентах на польский престол и насколько сложившаяся позиция соответствовала международному положению 1720-х гг. и интересам государства.

Из множества кандидатов на наследство Августа II лишь некоторые имели значение для России. Самым серьезным был наследный принц Саксонский Фридрих Август, сын Августа II, которого отец готовил к польскому трону еще в 1710-х гг. [24, с. 40]. Станислав Лещинский, бывший король Польши никогда не оставлявший мысли об утраченном троне, получил реальный шанс вернуть корону лишь в середине

1720-х гг. Со времени шведской оккупации Речи Посполитой заинтересованные державы искали среди польско-литовских магнатов альтернативу Лещинскому – так называемого «Пяста». Наконец, к концу 1720-х гг. у австрийского двора появляется мысль о поддержке брата португальского короля Жуана V инфанта дона Мануэля.

Среди европейских стран наибольший интерес польская корона представляла для соседей Речи Посполитой – Пруссии и Австрии, а также для Франции, традиционно включавшей республику в свой «восточный барьер». Мнение этих держав влияло на польскую политику России в наибольшей степени.

Со времени своего восшествия на престол Август II предпринимал усилия для закрепления польской короны в доме Веттинов. Укрепление монархии и, следовательно, Речи Посполитой в целом не соответствовало интересам России и стало считаться достаточным основанием для негативного отношения к курпринцу как наследнику своего отца. На протяжении 1720-х гг. достигший зрелости Фридрих Август никак не проявил себя в качестве самостоятельного политика и для Европы оставался фигурой загадочной [21, с. 319]. И в Речи Посполитой, и при дворах европейских монархов восприятие курпринца полностью определялось отношением к королю-отцу. Это ярко видно на примере позиции российского правительства.

В конце 1690-х гг. личная дружба и военный союз, связавшие Петра I и Августа II, побуждали царя поддерживать планы короля-курфюрста, направленные на укрепление Саксонского дома. Я. Бурдович-Новицкий считает, что уже во время первой встречи в Раве Русской монархи обсуждали взаимную гарантию престолонаследия [19, с. 160-162]. Поскольку в Саксонии правам курпринца ничего не угрожало, речь, скорее всего, шла о гарантии польского наследства.

Косвенно это подтверждает договор, заключенный с Августом 29 июля 1709 г. российским посланником А. фон дер Литом и содержащий секретный артикул о поддержке прав Фридриха Августа [1, с. 36]. Несмотря на то, что царь не ратифицировал этого трактата, а Торуньский договор октября того же года подобных гарантий не содержит, король Август еще в 1721 г. не терял надежды на поддержку Петра [4, с. 324-326].

В ходе Северной войны отношение российского монарха к своему союзнику сильно изменилось. Со 2-й половины 1710-х гг. политика

Петра в Речи Посполитой была направлена на поддержание разлада между шляхтой и королем. Удобным предлогом для этого служили слухи о намерениях Августа утвердить престол за сыном еще при своей жизни (так называемая «элекция *vivente rege*»), что стало бы грубейшим нарушением польского права вольного избрания. Материалы саксонского Тайного Кабинета показывают, что до конца 1720-х гг. среди министров Августа не существовало единого плана передачи польской короны наследнику. Принципиальным противником любых противозаконных действий был глава внешнеполитического ведомства Саксонии Я. Г. Флемминг [21, с. 315]. Более того, намерения самого Фридриха Августа были неясны. Тем не менее, Петр, построивший свою польскую политику на дискредитации «союзника», нашел поддержку при французском и прусском дворах.

В представлении Версаля, курпринц, женатый на племяннице императора Карла VI, являлся ставленником австрийского двора, и его выдвижение для Франции было неприемлемо [8, с. 186-188]. Король Фридрих Вильгельм I считал любое усиление саксонского дома угрозой прусской безопасности. Российско-прусский союзный договор, заключенный в 1720 г., оговаривает недопущение наследного принца на польский престол ни при жизни Августа II, ни после его смерти, что достаточно точно отражает позиции обоих дворов [11, с. 199-200].

Перемены в российской политике по отношению к Веттинам начались с воцарением Екатерины I. Уже в меморандумах «Генеральное состояние дел» и «О Польше и Пруссии», составленных для императрицы в марте 1725 г., вице-канцлер А. И. Остерман допускал, что поддержка курпринца может стать козырем для привлечения Августа к более тесному союзу с Россией [22, с. 452]. В начале 1725 г. полным ходом шло образование враждебных друг другу Венского и Ганноверского союзов. Склонявшаяся к альянсу с Карлом VI Екатерина была заинтересована в том, чтобы привлечь Саксонию на свою сторону. Изложенная в меморандумах программа претворялась в жизнь российским послом в Речи Посполитой В. Л. Долгоруким, вступившим в активные переговоры с Я. Г. Флеммингом [22, 455]. Однако проект Флемминга был отклонен королем. Готовность императрицы поддержать Фридриха Августа на выборах натолкнулась на уверенность короля-курфюрста в том, что после смерти Петра I союз с ослабевшей Россией будет

для него бесполезен. Это вызвало охлаждение России и возобновление ее союзного трактата с Пруссией, подтвердившего неприемлемость для обеих сторон элекции *vivente rege* (подразумевался, конечно, курпринц) [11, с. 249]. Сопровождая трактат декларации контрагентов указывали на намерение выдвинуть одного из «Пястов», имя которого, однако, документально не было зафиксировано [11, с. 250-251].

С 1726-1727 гг. изменение международной ситуации и осложнившееся положение венских союзников вынудило Пруссию и Австрию пересмотреть свое отношение к саксонскому дому. Опасная болезнь короля Августа осенью-зимой 1726 г. вновь привлекла внимание европейской дипломатии к судьбам Речи Посполитой. После смерти Екатерины под угрозой оказалось дальнейшее участие России в Венском союзе. Фридрих Вильгельм и Карл VI были вынуждены искать сближения с Саксонией. Если венский двор, даже осознав необходимость поддержки курпринца, не сумел прийти к соглашению с Августом, то переговоры Флемминга в Берлине были чрезвычайно удачны [22, с. 296-309]. Под влиянием саксонского министерства, прусский король уже летом 1727 г. попытался склонить правительство Петра II к помощи саксонскому кандидату [3, с. 368]. Столь резкий поворот, тем более, произошедший после разрыва переговоров Петербурга и Дрездена, не нашел понимания у российского двора. Позиция А. И. Остермана, А. Д. Меншикова, а после его опалы Верховного тайного совета оставалась неизменной до конца десятилетия: Август II не был союзником России, и укрепление монархической власти в Речи Посполитой противоречило российским интересам.

Во время бескоролья 1733 г. действия России в Речи Посполитой были направлены против Станислава Лещинского. Он являлся единственным кандидатом, которого явно «исключал» трехсторонний «Лёвенвольдов трактат» (1732). Поскольку в 1709 г. Россия более всего способствовала изгнанию Лещинского из Польши, в историографии сложилось мнение, что на протяжении первой трети XVIII в. российское правительство считало экс-короля наиболее опасным для государственных интересов претендентом на польский престол.

Однако факты свидетельствуют о другом. Многочисленные мирные проекты Г. Г. Гёрца и С. Понятовского (1714-1718) исходили из того, что восстановление Лещинского на польском

троне одинаково выгодно и расколотой противостоянием Речи Посполитой, и Карлу XII, и разочаровавшемуся в своем саксонском союзнике Петру [20, с. 125-127]. В отличие от этих планов, ни один из которых не стал основой серьезных переговоров, Аландский конгресс (1718-1719) имел все шансы завершиться мирным договором. В качестве одного из условий мира обсуждалось подтверждение Альтранштедтского договора (1706), иначе говоря – детронизации Августа и «реституции» Станислава. Это положение содержится в проекте трактата, который Остерман, после согласования с Гёрцем, 18 августа 1718 г. переслал для одобрения Петру [15, с. 41]. Соответствующий артикул вошел и в окончательную версию трактата, подписанию которого помешала только гибель Карла XII [17, с. 63]. Петр соглашался терпеть у собственных границ шведского ставленника Станислава. Безопасность гарантировалась новым союзом России и Швеции, который должен был изменить весь северный порядок.

Смерть Карла XII не повлияла на отношение царя к шведскому протектору. В 1719 г., в разгар тайного противостояния с Августом, Петр посредством посланника Г. Ф. Долгорукого вел активную переписку с антикоролевской партией в Великом княжестве Литовском. Обсуждая возможность литовской конфедерации, царь писал Долгорукому: «И хотя нам то не противно, что короля вместо Августа его Лещинского королем на польской престол изберут, ибо протектор оного король шведской уже умер. И для того не видим мы никакой от него Лещинского себе опасности [...] Но мы все то более в их волю предаем, кого они к тому изберут из природных Поляков, того мы беспрекословно признаем и ему свою протекцию дадим» [18, с. 120об-121об]. Таким образом, лишь поддержка Карла XII делала Станислава опасным для России. Исчезновение шведской угрозы (после подписания союзного договора или после смерти короля) открывало Лещинскому путь к трону с согласия и при поддержке российского монарха.

По всей вероятности, именно так расценивал свое новое положение и сам экс-король. Найдя приют во Франции, он вступил в переписку с Меншиковым, отправляя в Россию курьеров и всячески пытался обратить на себя внимание царя [20, с. 134]. Однако Ништадтский мирный договор, ни словом не упоминувший о короле Станиславе, отразил изменение политической ситуации: в начале 1720-х гг. Петр был вынуж-

ден сохранять видимость союза с Августом, а Швеция Ульрики-Элеоноры и Франция герцога Орлеанского не испытывали к Лещинскому никакого интереса. Во всяком случае, шведская сторона, настаивавшая на включении статьи о Станиславе в проект Стокгольмского мирного договора, согласилась отказаться от своих требований взамен на устранение российского пункта об исключении из польского наследства курпринца Саксонского [17, с. 163-164].

Что касается позиции Франции, до 1726 г. Станислав, чье имя впоследствии прочно связывалось с французскими интересами, не играл никакой роли в политике Версаля. Об этом свидетельствует инструкция главы внешней политики Франции кардинала Дюбуа полномочному послу в России Ж. де Кампредону [8, с. 208]. Ход франко-русских переговоров о союзе (1722-1726) показывает, что Франция стремилась заручиться поддержкой России для собственных, французских кандидатов – сына регента Шарля Шартрского, а позднее герцога Луи Анри де Бурбона-Конде. Предполагаемый брак последнего с Марией Лещинской, дочерью экс-короля, вполне одобрялся Екатериной I [10, с. 138]. Только женитьба на Лещинской самого Людовика XV изменила отношение российского двора к Станиславу.

Во Франции идея продвижения Лещинского на польский престол возникла лишь спустя несколько месяцев после королевской свадьбы и долгое время держалась в строжайшем секрете [20, с. 154]. Более того, охлаждение между обоими дворами, заметное уже осенью 1726 г., было связано не с Лещинским, но с присоединением России к Венскому союзу. Франция по-прежнему рассчитывала на поддержку своему кандидату со стороны России. Теперь этой цели должны были послужить известные сторонники русского двора в Польше и Литве: примас Т. А. Потоцкий, фельдмаршал Я. К. Сапега, К. Урбанович, Л. Поцей и другие [12, с. 899-903]. К началу 1727 г. императрица окончательно разочаровалась в союзе с Францией. Секретарь французского посольства Маньян сообщил своему правительству, что поддержка Станислава Россией теперь крайне сомнительна [10, с. 496]. Тем не менее, даже в 1729 г. Версаль допускал, что в случае успешных действий литовских магнатов при российском дворе, Лещинский может рассчитывать по крайней мере на дружественный нейтралитет России [23, с. 104].

Вполне естественно, что до этого времени никому не приходило в голову считать Станис-

лава опасным для российских интересов. Ни один союзный договор России 1720-х гг. не содержит положения об отстранении Лещинского от королевских выборов (в отличие от курпринца Саксонского). Первое упоминание о том, что российский двор воспринимает Станислава как кандидата, чьи тесные связи с Швецией могут доставить неприятности, относится к 1729 г. Маньян доносил, что позиция России не случайна и связана с опасениями реваншистских настроений в Швеции [9, с. 280-281]. Присоединение Швеции в мае 1727 г. к Ганноверской лиге и обострение ее отношений с Петербургом, действительно, могли повлиять на мнение российского правительства [13, с. 135]. Определенное воздействие имело и последовательное неприятие Лещинского союзниками России – Австрией и с 1727 г. Пруссией. Так или иначе, негативное отношение российского двора к королю Станиславу возникло не ранее лета-осени 1727 г. (возможно, уже после падения Меншикова, с которым Лещинский состоял в переписке) и стало результатом тогдашней политической конъюнктуры – присоединения России и Швеции к враждебным лагерям.

Эпизодически поддерживая саксонского курпринца или ставленников французского правительства, российские монархи не прекращали искать кандидата, не связанного отношениями с каким-либо европейским двором. В качестве такового мыслился «природный поляк», в документах той эпохи чаще выступающий под именем «Пяста», – представитель одного из могущественных польских или литовских магнатских домов, дружественных России. Предпочтение «Пяста» любому другому кандидату, особенно заметное со 2-й половины 1720-х гг., основывалось на убеждении, что российско-польские отношения были наилучшими именно в царствование королей-поляков (имелся в виду, прежде всего, Ян III Собеский, при котором Россия и Речь Посполитая заключили договор Вечного мира).

Петр начал поиск собственного польского кандидата вскоре после Альтранштеттского отречения короля Августа (1706). Его выбор остановился на старшем сыне Яна Собеского королевиче Якубе Людвике, на что Сенат Речи Посполитой выразил свое согласие [16, с. 677]. Возможно, Петр видел в королевиче некий компромиссный вариант. Его связи с императором Иосифом I могли втянуть в войну со Швецией Австрию. Будучи сыном популярного Яна Собеского, Якуб Людвик мог отвлечь внимание

поляков от Лещинского. Вместе с тем, это был кандидат, к которому благосклонно относился и Карл XII (незадолго до этого Карл освободил сыновей Собеского из саксонского плена). Однако ни Якуб, ни его младший брат Александр не приняли предложения царя, сославшись на возражения шведского монарха [16, с. 677-678]. К дому Собеских Петр вернулся после Аландского конгресса, выбрав на этот раз третьего из братьев, Константина, о чем были отправлены инструкции послу в Варшаве С. Г. Долгорукому [5, с. 192]. Однако Константин так и не сумел организовать собственную партию.

Поддержка «Пяста» была декларирована Россией и Пруссией при подписании союзного договора 1726 г. В результате переговоров, общим кандидатом союзники выбрали Станислава Денгофа, гетмана польного литовского, сторонника русского двора и одного из самых могущественных и богатых вельмож Речи Посполитой. В отличие от королевича Константина, Денгоф пользовался большим авторитетом в Польше и мог стать реальным соперником как курпринца, так и Лещинского, известным врагом которого он был [23, с. 81]. Однако в 1728 г. Денгоф умер, и российское правительство было вынуждено искать новый вариант. По свидетельству Маньяна, в 1725-1728 гг. в число возможных кандидатов входили краковский кастелян Адам Николай Сенявский и воевода мазовецкий Станислав Хоментовский (посол Речи Посполитой в России в 1720 г.) [9, с. 426]. В 1726-1728 гг. скончались и они.

К 1727 г. выдвинулся еще один претендент – великий канцлер литовский Михал Серваций Вишнёвецкий. О его желании стать королем, в том числе при поддержке российского двора, упоминали прусский посол А. Мардефельд и примас Т. Потоцкий. В 1729 г. посланник М. Бестужев-Рюмин старался о доставлении Вишнёвецкому одного из вакантных гетманских постов [7, с. 94]. Однако великий канцлер литовский оставался лишь одним из возможных кандидатов: на рубеже 1720-1730-х гг. его соперниками являлись краковский воевода Т. Любомирский, надворный маршалек литовской П. Сангушко и другие [2, с. 133-142]. Каждый из них имел свои достоинства, каждый чем-то не устраивал российский двор. Слабость позиции «Пяста», уже к 1727 г. очевидная для Пруссии и Австрии, по-видимому не осознавалась Россией, и поиски подходящего магната продолжались вплоть до заключения договора с Саксонией летом 1733 г.

К концу 1728 г. венский двор, не добившись союза с Августом на своих условиях и сомневаясь в успехе польских магнатов, остановился на кандидате, видимым образом не связанном с борьбой партий в Речи Посполитой, но при этом союзном австрийскому дому – португальском инфанте доне Мануэле. Уже 5 ноября 1728 г. М. Головкин в своей реляции с Суассонского конгресса передал со слов рейхсканцлера Ф. Л. Зинцендорфа, что император считает единственным надежным кандидатом своего кузена инфанта [6, с. 243об]. Этот выбор получил обоснование в меморандуме 5 февраля 1729 г., составленном для венского Кабинета Ф. Г. Вратиславом [22, с. 348]. В мае австрийским послам в Варшаве и Москве было отправлено повеление готовить почву для инфанта [22, с. 350-351]. Однако серьезное обсуждение донна Мануэля в качестве возможного общего кандидата союзников начинается гораздо позже, уже в царствование Анны Иоанновны в ходе подготовки «Лёвенвольдова трактата».

Таким образом, в становлении позиции российского двора по вопросу кандидатуры будущего короля Речи Посполитой, можно выделить три этапа. Начальный, завершающийся смертью Петра I, полностью связан с дипломатией первого российского императора. Петр подчинял проблему «польского наследства» внешнеполитическим целям, которые считал наиболее значимыми в данный момент. Он начал с поддержки династических планов Августа II и борьбы с Лещинским. Во 2-й половине 1710-х гг. размолвка с королем-курфюрстом и возможность союза с Карлом XII склонили Петра согласиться на восстановление Станислава на польском троне. В начале 1720-х гг. перспективы династического альянса с Францией привели российского императора к поддержке французского кандидата, одновременно претендующего на руку цесаревны Елизаветы, и зафиксированному в российско-прусском договоре устранению курпринца от отцовского наследства.

Второй этап – правление Екатерины I, время освобождения от наследия петровской дипломатии и становления самостоятельной внешнеполитической системы А. И. Остермана. Как и в политике Петра, польский вопрос был подчинен идее союза с каким-либо могущественным европейским государством. Пока сохранялась возможность союза с Францией, императрица готова была поддержать

Л. А. де Бурбона, а позднее и Лещинского. Переговоры о союзном договоре с Австрией вызвали необходимость в более тесном контакте с Августом и по возможности склонении его к Венскому союзу. Обещание поддержки наследному принцу было здесь очень уместно. Возобновление трактата с наиболее надежным союзником, Пруссией, указывало в качестве общего кандидата «Пяста».

Переход к третьей стадии был обусловлен как дипломатическими неудачами (разрывом переговоров с Ж. Кампредоном, нежеланием Августа вступать с императрицей в какие-либо отношения помимо династических [22, с. 467] и поворот Берлина в сторону союза с Дрезденом), так и внутривластными трудностями (смерть Екатерины, опала Меншикова). Этот этап совпадает с царствованием Петра II. Именно в это время у российской политической элиты складывается представление, что категорическое неприятие курпринца и Лещинского в качестве кандидатов следует традициям политики Петра Великого и соответствует основным интересам России. Парадокс этой метаморфозы заключается в том, что главные двигатели дипломатии Петра II – А. И. Остерман, В. Л. Долгорукий и член клана Долгоруких, хотя и не входивший в Верховный тайный совет, многолетний посланник в Речи Посполитой С. Г. Долгорукий, в качестве исполнителей воли Петра Великого прекрасно знали тонкости его польской политики и являлись инициаторами внешнеполитической линии в царствование Екатерины. Остерман на Аландском конгрессе, Сергей Григорьевич в переговорах с Литвой, Василий Лукич в качестве известного «франкофила» в свое время действовали в пользу Лещинского или другого французского кандидата. Программа Остермана, изложенная в меморандумах 1725 г., допускавшая поддержку курпринца Саксонского, была принята правительством Екатерины, а над практическим осуществлением ее работал в Польше князь Василий Лукич.

Международные конъюнктуры конца 1720-х гг., как было показано, привели Австрию и Пруссию к осознанию необходимости более гибкой политики в польском вопросе. Император Карл, делая ставку на инфанта Мануэля, отнюдь не отказывался от переговоров с Саксонией, тем более что в это самое время активизировала свои контакты с Августом враждебная Франция (в 1729 г. в Варшаву отправился французский полномочный посол А. Ф. Монти). Король Фридрих

Вильгельм не давал прямых обещаний Августу, но не порывал с ним контактов, одновременно выслушивая предложения нового французского резидента Ж.-Ж. Шетарди. Слабость «Пястов» была настолько очевидна для Берлина, что российско-прусские договоры 1729 и 1730 гг. не содержат никакого упоминания о польской кандидатуре. Но именно на «Пяста» делает ставку Россия, хотя польский кандидат даже в представлении российского правительства остается фигурой скорее символической. Единственного сильного кандидата, в поддержку которого мог действовать Верховный тайный совет, так и не было выбрано.

Такой же была официально декларируемая позиция российского двора и в первые годы царствования Анны Иоанновны, когда из активных деятелей предыдущей эпохи в правительстве оставался только Остерман. Видимо, с его именем и следует связывать внешнеполитический курс конца 1720-х – начала 1730-х гг. Подлин-

ное мнение вице-канцлера и его план на случай бескоролья, если таковой существовал, неизвестны. Резкий поворот российской внешней политики к поддержке курпринца (в то время уже курфюрста) Саксонского, произошедший весной 1733 г., был вызван не столько волей отдельных лиц из окружения императрицы (будь то А. И. Остерман или Э. И. Бирон), сколько тем, что положение, сложившееся в Речи Посполитой после смерти Августа II, было очевидно и однозначно: заинтересованным державам пришлось выбирать между двумя кандидатами, Фридрихом Августом Саксонским и Станиславом Лещинским.

Неготовность России к бескоролью и избрание пророссийского кандидата лишь за считанные дни до окончания элекционного сейма (24 сентября 1733 г., тогда как срок сейма истек 28 сентября) стали прямым следствием неопределенной позиции российского внешнеполитического ведомства в конце 1720-х гг.

Библиография:

1. Артамонов В. А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709-1714). М., 1990. – 205 с.
2. Герье В. Борьба за польский престол в 1733 г. М., 1864. – 657 с.
3. Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII в. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 15. СПб., 1875. С. 175-414.
4. Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 3. СПб., 1868. С. 321-532.
5. Дневной записки государственной коллегии иностранных дел 1722 года, первая половина с 1 января по 1 июля // Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. №40.
6. Дневной записки государственной коллегии иностранных дел 1728 года, вторая половина с 1 июля по 1 декабря // Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. №45.
7. Дневной записки государственной коллегии иностранных дел 1729 года, первая половина с 1 января по 30 июня // Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. №46.
8. Донесения французского консула в Петербурге Лави и полномочного министра при русском дворе Кампредона с 1722 по 1724 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 49. СПб., 1885. – 427 с.
9. Донесения французского полномочного министра при русском дворе Кампредона и поверенного в делах Маньяна с 1727 по 1730 год // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 75. СПб., 1891. – 543 с.
10. Донесения французского полномочного министра при русском дворе Кампредона, за 1725 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 58. СПб., 1887. – 591 с.
11. Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. Т. V. Трактаты с Германией 1656-1762. СПб., 1882. – 408 с.
12. Мацук А. В. Контакты магнатов Великого княжества Литовского с российской политической элитой в конце 20-х – начале 30-х гг. XVIII века // Сословия, институты и государственная власть в России: Памяти Льва Владимировича Черепнина. СПб., 2010. – С. 898-908.
13. Некрасов Г. А. Роль России в европейской международной политике 1725-1739 гг. М., 1976. – 320 с.
14. Нелипович С. Г. Союз двуглавых орлов. Русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М., 2010. – 405 с.
15. Никитин Л. А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М., 1959. – 498 с.
16. Письма и бумаги Петра Великого. Т. 5. СПб., 1907. – 764 с.
17. Полиевктов М. Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира (1721-1725). СПб., 1907. – 380 с.
18. Протоколы отправляемым рескриптам к полномочному российскому послу князь Григорью Долгорукову и государевым грамотам к польскому королю Августу II // РГАДА. Ф. 79, оп. 1, №6.
19. Burdowicz-Novicki, J., Piotr I, August II i Rzeczpospolita 1697-1706. Kraków, 2010. – 766 s.
20. Feldman J. Stanisław Leszczyński. Warszawa, 1984, wyd. 3. – 295 s.
21. Kosińska U. August II i królewicz Fryderyk August w latach 1725–1729 a problem elekcji vivente rege // Kwartalnik historyczny, 2012, No. 2. – S. 305-321.
22. Kosińska U. August II w poszukiwaniu sojusznika. Warszawa, 2012. – 558 s.

23. Rostworowski E. O Polską koronę. Polityka Francji w latach 1725-1733. Wrocław-Kraków, 1958. – 364 s.
24. Staszewski J. August III Sas. Wrocław, 2010. – 336 s.

References (transliterated):

1. Artamonov V. A. Rossiya i Rech' Pospolitaya posle Poltavskoi pobedy (1709-1714). M., 1990. – 205 s.
2. Ger'e V. Bor'ba za pol'skii prestol v 1733 g. M., 1864. – 657 s.
3. Diplomaticheskie dokumenty, odnosyashchiesya k istorii Rossii v XVIII v. // Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva. T. 15. SPb., 1875. S. 175-414.
4. Diplomaticheskie dokumenty, odnosyashchiesya k istorii Rossii v XVIII stoletii // Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva. T. 3. SPb., 1868. S. 321-532.
5. Dnevnoi zapiski gosudarstvennoi kollegii inostrannykh del 1722 goda, pervaya polovina s 1 yanvarya po 1 iyulya // Arkhiv SPbII RAN. F. 36. Op. 1. №40.
6. Dnevnoi zapiski gosudarstvennoi kollegii inostrannykh del 1728 goda, vtoraya polovina s 1 iyulya po 1 dekabrya // Arkhiv SPbII RAN. F. 36. Op. 1. №45.
7. Dnevnoi zapiski gosudarstvennoi kollegii inostrannykh del 1729 goda, pervaya polovina s 1 yanvarya po 30 iyunya // Arkhiv SPbII RAN. F. 36. Op. 1. №46.
8. Doneseniya frantsuzskogo konsula v Peterburge Lavi i polnomochnogo ministra pri russkom dvore Kampredona s 1722 po 1724 g. // Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva. T. 49. SPb., 1885. – 427 s.
9. Doneseniya frantsuzskogo polnomochnogo ministra pri russkom dvore Kampredona i poverennogo v delakh Man'yana s 1727 po 1730 god // Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva. T. 75. SPb., 1891. – 543 s.
10. Doneseniya frantsuzskogo polnomochnogo ministra pri russkom dvore Kampredona, za 1725 g. // Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva. T. 58. SPb., 1887. – 591 s.
11. Martens F. Sbranie traktatov i konventsii, zaklyuchennykh Rossieyu s inostrannymi derzhavami. T. V. Traktaty s Germaniei 1656-1762. SPb., 1882. – 408 s.
12. Matsuk A. V. Kontakty magnatov Velikogo knyazhestva Litovskogo s rossiiskoi politicheskoi elitoy v kontse 20-kh – nachale 30-kh gg. XVIII veka // Sosloviya, instituty i gosudarstvennaya vlast' v Rossii: Pamyati L'va Vladimirovicha Cherepnina. SPb., 2010. – S. 898-908.
13. Nekrasov G. A. Rol' Rossii v evropeiskoi mezhdunarodnoi politike 1725-1739 gg. M., 1976. – 320 s.
14. Nelipovich S. G. Soyuz dvuglavykh orlov. Russko-avstriiskii voenniy al'yans vtoroi chetverti XVIII v. M., 2010. – 405 s.
15. Nikiforov L. A. Vneshnyaya politika Rossii v poslednie gody Severnoi voyny. Nishtadtskii mir. M., 1959. – 498 s.
16. Pis'ma i bumagi Petra Velikogo. T. 5. SPb., 1907. – 764 s.
17. Polievktov M. Baltiiskii vopros v russkoi politike posle Nishtadtskogo mira (1721-1725). SPb., 1907. – 380 s.
18. Protokoly otpravlyаемым reskriptam k polnomochnomu rossiiskomu poslu knyaz' Grigor'yu Dolgorukovu i gosudarevym gramotam k pol'skomu korolyu Avgustu II // RGADA. F. 79, op. 1, №6.
19. Burdowicz-Novicki, J., Piotr I, August II i Rzeczpospolita 1697-1706. Kraków, 2010. – 766 s.
20. Feldman J. Stanisław Leszczyński. Warszawa, 1984, wyd. 3. – 295 s.
21. Kosińska U. August II i królewicz Fryderyk August w latach 1725–1729 a problem elekcji vivente rege // Kwartalnik historyczny, 2012, No. 2. – S. 305-321.
22. Kosińska U. August II w poszukiwaniu sojusznika. Warszawa, 2012. – 558 s.
23. Rostworowski E. O Polską koronę. Polityka Francji w latach 1725-1733. Wrocław-Kraków, 1958. – 364 s.
24. Staszewski J. August III Sas. Wrocław, 2010. – 336 s.